

Владимир Соловьев
(1853–1900)

* * *

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

* * *

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и мног шумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Пустынька. Май 1886

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

Иннокентий Анненский

(1855–1909)

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эха
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весной,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

БАБОЧКА ГАЗА

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волненьи не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

ЧТО СЧАСТЬЕ?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное *прости?*

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастья бьётся
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг — и ввысь оно взовьётся
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознания,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

1909

ДВЕ ЛЮБВИ

С. В. ф. Штейн

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и её не станет...
Быть как дым — но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днём у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

Константин Фофанов

(1862–1911)

* * *

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята, —
В ней звуки любви отзвенели.

В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет, —
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!

Слепая страсть, волнуясь, живет,
А мысль — в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!

А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..

Октябрь 1888

КАМЕРА

На стене рисунок чей-то,
Точки, профили зверей.
Коридор звучит, как флейта,
Из отверстия дверей.

За окном — решетки, точно
Клеть курятника. Кругом —
Всё высоко, плотно, прочно,
Свод — что грот под потолком.

Только легкие тенета
У окна и по углам.
Разве мушек здесь без счета,
Что так любо паукам?

Да к тому ж теперь не лето,
Паутина здесь вокруг.
Наспех символ создал этот
Очарованный паук!

12 января 1907

Семен Надсон
(1862–1887)

ИДЕАЛ

Не говори, что жизнь — игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы.
Нет, жизнь — разумное стремленье
Туда, где вечный свет горит,
Где человек, венец творенья,
Над миром высоко царит.

Внизу, воздвигнуты толпою,
Тельцы минутные стоят
И золотою мишурою
Людей обманчиво манят;
За этот призрак идеалов
Немало сгибнуло борцов,
И льется кровь у пьедесталов
Борьбы не стоящих тельцов.

Проходит время, — люди сами
Их свергнуть с высоты спешат
И, тешась новыми мечтами,
Других тельцов боготворят;
Но лишь один стоит от века,
Вне власти суетной толпы, —
Кумир великий человека
В лучах духовной красоты.

И тот, кто мыслью летучей
Сумел подняться над толпой,
Любви оценит свет могучий
И сердца идеал святой!
Он бросит все кумиры века,
С их мимолетной мишурой,
И к идеалу человека
Пойдет уверенной стопой.

27 июня 1878

ИУДА

1

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моления воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах его лица,
И он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,

И кто дерзнул безумно руку
На бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал –
И мир его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

2

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели

С своей безбрежной вышины.
Но третий крест был пуст. Друзьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

3

Чье затаенное рыданье
Звучит у среднего креста?
Кто этот человек? Страданье
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жаждой исцеленья
Он из далеких стран спешил,
Чтоб Иисус его мученья
Всесильным словом облегчил?
Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа — и вот
Вдруг отовсюду узнает,
Что тот, кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что тот, кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал, —
Погиб, заброшенный презреньем,

Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К кресту учителя приник
С тоской и страстною мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил? —
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он — он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом господя проститься
Хотел он — он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

4

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный
На место казни шел Христос
И крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страданья и сознал,
Кого безумно ненавидел,

Чью жизнь на деньги променял.
Он понял, что ему прощенья
Нет в беспристрастных небесах, —
И страх, бессильный рабский страх,
Угрюмый спутник преступления,
Вселился в грудь его. Всю ночь
В его больном воображеньи
Вставал Христос. Напрасно прочь
Он гнал докучное виденье,
Напрасно думал он уснуть,
Чтоб всё забыть и отдохнуть
Под кровом молчаливой ночи:
Пред ним, едва сомкнет он очи,
Всё тот же призрак роковой
Встает во мраке, как живой!

5

Вот он, истерзанный мученьем,
Апостол истины святой,
Измятый пыткой и презреньем,
Распятый буйною толпой;
Бог, осужденный приговором
Слепых, подкупленных судей!

Вот он!.. Горит немим укором
Небесный взор его очей.
Венец любви, венец терновый
Чело спасителя язвит,
И, мнится, приговор суровый
В устах разгневанных звучит...
«Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель твой рыдает
У ног твоих... О, пощади!
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты бог... Ты можешь всё простить!
.....
А я? Я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!»

6

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказания?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе — мятежные страдания.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье, без движенья,
Всё тот же призрак роковой,
Стоит залогом осужденья...
А здесь, вокруг, горя луной,
Дыша весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем,
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

7

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пойдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.

Беги от этого креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!

.....

И он бежал!..

.....

8

Полнебосклона
Заря пожаром обняла
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Всё ожило... шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями
Гремит серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилат
Осина свой покров живой

И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Всё тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним вставал во тьме ночной;
Всё тот же приговор суровый,
Казалось, с уст его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания, лежал!

1879

* * *

Как каторжник влачит оковы за собой,
Так всюду я влачу среди моих скитаний
Весь ад моей души, весь мрак пережитой
И страх грядущего, и боль воспоминаний.
Бывают дни, когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен, так робок я, страдая,
Так мало сил во мне в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю под жизненной грозой:
Не я один погиб, не находя исхода;
Скорблю, что я не мог всей страстью, всей
душой
Служить тебе, печаль родимого народа!
Скорблю, что слабых сил беречь я не умел,
Что, полон святостью заветного стремленья,
Я не раздумывал, я не жил, — а горел,
Богатствами души соря без сожаленья;

Федор Сологуб
(1863–1927)

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.

Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.

Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896 года

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!»
Лишь была б душа сильна,

Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1–22 октября 1892

РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурён, беззащитен и наг.

И прошу я у милого Бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне ещё хоть немного
Для земли утомительной сил!

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны вёсны!
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори!
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И ещё вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У Тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил,
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил».

13 июня 1917 года

Вячеслав Иванов

(1866–1949)

ЯСНОСТЬ

Вл. С. Калабину

Ясно сегодня на сердце, на свете!
Песням природы, в согласном привете
Внемлю я чуткой душой:
Внемлю раздумью и шепоту бора,
Речи безмолвной небесного взора,
Плеску реки голубой.

Смолкли, уснули, тревожны, угрюмы,
Старые Сфинксы — вечные думы;
Двигутся хоры пленительных грез;
Нет своей радости, нет своих слез.

Радости чуждой, чуждой печали
Сердце послушно. Ясны,
Взорам доверчивым въяве предстали
Воображенья волшебные дали,
Сердце манящие сны.

1882

ПОЛНОТА

Душа, — когда ее края
Исполнит солнечная сила, —
Глубокий полдень затая,
Не знает действенного пыла.

Ревнив божественный покой.
Как свет — безмолвие обильных.
Как солнце — их любовь: какой
Мил солнцу цвет лугов умильных?

Безбрачной волей красоты
Кто пьян, как оный нищий скряга,
Почий, как в чаше полноты
Миры объемлющая влага.

<1904>

ЦЕЛЯЩАЯ

Диотиме

Довольно солнце рдело,
Багрилось, истекало
Всей хлынувшей кровью:
Ты сердце пожалела,
Пронзенное любовью.

Не ты ль ночного друга
Блудницею к веселью
Звала, — зазвав, ласкала? —
Мерцая, как Милитта,
Бряцая, как Кибела...
И миром омывала,
И льнами облекала
Коснеющие члены?...

Не ты ль над колыбелью
Моею напевала —

И вновь расторгнешь плены?
Не ты ль в саду искала
Мое святое тело, —
Над Нилом — труп супруга?
Изида, Магдалина,
О росная долина,
Земля и мать, Деметра,
Жена и мать земная!

И вновь, на крыльях ветра,
Сестра моя ночная,
Ты поднялась с потоков,
Ты принеслась с истоков,
Целительною мглою!
Повила Солнцу раны,
Покрыла Световита
Волшебной пеленою!
Окутала в туманы
Желающее око...

И, тусклый, я не вижу, —
Дремлю и не томлю я, —
Кого так ненавижу —
За то, что так люблю я.

<1906>

СЕРДЦЕ ДИОНИСА

Осиян алмазной славой,
Снеговерхий, двоеглавый,
В день избранный — ясногранный,
за лазурной пеленой
Узкобрежной Амфитриты,
Где купаются хариты,
Весь прозрачностью повитый
И священной тишиной,
Ты предстал, Парнас венчаный, в день
избранный, предо мной!

Сердце, сердце Диониса под своим
святым курганом,
Сердце отрока Загрея, обреченного
Титанам,
Что, исторгнутое, рдея, трепетало в их
деснице,

Действо жертвенное дея, скрыл ты
в солнечной гробнице
Сердце древнего Загрея, о таинственный
Парнас!
До дня, в который Гея — мать-Земля
сырая, Гея —
Как божественная Ниса, просветится,
зеленея, —
Сердце Солнца-Диониса утаил
от буйных нас.

1906

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1

Ты царским поездом назвал
Заката огненное диво.
Еще костер не отпылал
И розы жалят: сердце живо.

Еще в венце моем горю.
Ты ж, Феба список снежноликий,
Куда летишь, с такой музыкой,
С такими кликами?.. Смотрю

На легкий поезд твой — с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым вьюгам
Гиперборейских лебедей!

Они влекут тебя в лазури,
Звончатым отданы браздам,

Через мрак — туда, где молкнут бури,
К недвижимым ледяным звездам.

2

Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе.

Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обручением новым
С Единою обручены.

Убрус положен на икону:
Незримо тайное лицо.
Скользит корабль по синю лону:
На темном дне горит кольцо.

Лето 1912

ПАМЯТИ СКРЯБИНА

1

Осиротела Музыка. И с ней
Поэзия, сестра, осиротела.
Потух цветок волшебный, у предела
Их смежных царств, и пала ночь темней

На взморие, где новозданных дней
Всплывал ковчег таинственный. Истлела
От тонких молний духа риза тела,
Отдав огонь Источнику огней.

Исторг ли Рок, орлицей зоркой рея,
У дерзкого святыню Прометея?
Иль персть опламенил язык небес?

Кто скажет: побежден иль победитель,
По ком, — немея кладбищем чудес, —
Шептаньем лавров плачет Муз обитель?

Он был из тех певцов (таков же был
Новалис),

Что видят в снах себя наследниками лир,
Которым на заре веков повиновались
Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир.

Но между тем как все потомки
признавались,
Что поздними гостями вошли на брачный
пир, —

Заклятья древние, казалось, узнавались
Им, им одним опять — и колебали мир.

Так! Все мы помнили — но волил он, и деял.
Как зодчий тайн, Хирам, он таинство посеял,
И Море Медное отлил среди двора.

«Не медли!» — звал он Рок; и зову Рок
ответил.

«Явись!» — молил Сестру — и вот, пришла
Сестра.

Таким свидетельством пророка Дух отметил.

Апрель 1915

Константин Бальмонт

(1867–1942)

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьётся
Чуждый чарам чёрный чёлн.
Чуждый чистым чарам счастья,
Чёлн томленья, чёлн тревог,
Бросил берег, бьётся с бурей,
Ищет светлых снов чертог.
Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.
Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растёт.
Чёлн томленья тьмой охвачен.
Буря воеет в бездне вод.
1894

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шёл, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шёл, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

В ДУШАХ ЕСТЬ ВСЁ

1

В душах есть всё, что есть в небе, и много
иного.

В этой душе создалось первозданное Слово!

Где, как не в ней,

Замыслы встали безмерною тучей,

Нежность возникла усладой певучей,

Совесь, светильник опасный и жгучий,

Вспышки и блески различных огней, —

Где, как не в ней,

Бури проносятся мысли могучей!

Небо не там,

В этих кошмарных глубинах пространства,

Где создаю я и снова создам

Звёзды, одетые блеском убранства,

Вечно идущих по тем же путям, —

Пламенный знак моего постоянства.

Небо — в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.

Дивно и жутко — уйти
 в запредельность,
Страшно мне в пропасть души
 заглянуть,
Страшно — в своей глубине утонуть.
Всё в ней слилось в бесконечную
 цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю
 беспредельность,
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искажённые черты, —
И это всё твои видения,
И это — новый — страшный — ты?
В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,
Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.

Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь всё могильное,
И всюду сеешь смерть одну?
И в равнодушии надменности,
Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаёшь оковы пленности:
Мечту — рабу самой себя?
Ты — блеск, ты — гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой, страшный символ
Вечности —
Кольцеобразная змея!
Зачем чудовище — над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звёздною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтобы можно было жить!
Душою там, я сердцем — здесь.
А сердце как смирить?

Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг, —
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнью своей,

И не могу не быть, — никак,
Вплоть до исхода дней.

Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развеется как дым.
А буду смел, — замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов. —
Забывтый раненый солдат,
И стая хищных птиц,

Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц. —

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?

От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум, —
Как стук кладбищенских костей
В душе зловещий шум, —
И я бегу, бегу людей,
Среди людей — самум.

1899

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.

1901

МОЯ ЛЮБОВЬ

Вступая в мир, мы в дом вступаем отчий,
Нас нежит мать, баюкает нас няня,
Роняет нам свой свет и отсвет счастье,
Родная речь промолвит нам: «Желанный!»,
Всех звезд в мечты нам набросает полночь,
Привет тебе, моя любовь, Россия!

Из всех былин желанней мне Россия,
Взгляд матери и кроткий голос отчий,
Заря с зарей, им чуть раздельность —
полночь,

Июнь прозрачный, что-то шепчет няня,
Дремлю, горит лампадки свет желанный,
И свет и тень — во всем ребенку счастье.

Галчонка принесли, какое счастье,
Простых подарков не сочтет Россия,
Кормить галчонка — пир души желанный,

И край чужой, мне не даруя счастья,
Дает мне страсть — любить лишь край
мой отчий.

Мой дом, мой отчий, лучших сказок няня,
Святыня, счастье, звук — из всех
желанный,
Заря и полночь, я твой раб, Россия!

Париж
1926. 9 мая